

Любите ли вы театр?

ОДИН мой знакомый побывал на спектакле Бельцкого театра — «Ошибка Анны». Судьба этого драматического коллектива волнует многих. Я смотрела не одну его работу, но и мнение других было для меня небезинтересно.

— Как же показались вам бельчане? — спросила я товарища.

— Видите ли, — виновато отвел он глаза в сторону, — мы посмотрели два акта и решили, что... с нас достаточно.

Я упомянула об отведенных глаз потому, что это говорил человек далеко не равнодушный к искусству и относящийся именно к этому театру с чувством большой симпатии.

Всем нам, в нынешний приезд Бельцкого театра в Кишинев тяжело видеть много пустых мест в залах (белчане выступают на двух сценических площадках), ибо это не только угнетающе отражается на настроениях актеров, но и в известной мере свидетельствует об ослаблении идейно-эстетического воздействия спектакля на зрителя.

Это обстоятельство заставляет отойти от обще- и давно принятого порядка — писать рецензии на отдельные спектакли, а попытаться найти причины того, почему этот в основном даровитый, способный коллектив при всем своем старании не всегда достигает цели.

В работах коллектива можно заметить и свежую мысль, и искреннюю любовь к своему делу. Печти за десять лет своего существования он сделал много хорошего и благородного.

«МОЛОДЕЖЬ МОЛДАВИИ»

Нельзя не заметить и не оценить стремление коллектива ставить спектакли, посвященные современности. Совместно с автором театр плодотворно поработал над пьесой молдавского драматурга Леониды Корняну «За голубым Дунаем», которую впервые показывал сейчас в Кишиневе. Не в пример столичным молдавским театрам Бельцкий обратился к горьковской драматургии и поставил пьесу «Последние». И все же если бы не знать всех обстоятельств, то можно подумать, что это какой-то извездучий театр, которого преследует неуспех.

Но это не так. Бельцкий театр — передвижной. Думается, что острота насчет «передвижников и подвизников» не столько забавна, сколько грустна. Начнем с того, что труд коллектива театра, если исключить кейды-кейды обсуждения в узком кругу при сдаче новых постановок, то существу не разбирается на страничку нашей печати, ему не дается никакой оценки. Напротив актеры или сельские зрители, которых в основном обслуживает театр, стали бы искать в любое время года каких-нибудь отличков или квалифицированных разборов работ театра в республиканских газетах. А журнал «Октябрь», например, вообще никогда не интересовался не только Бельцким, но любым другим нашим театром.

Только в те десять-пятнадцать дней в году, когда коллектив вывозит свои постановки в Кишинев, газеты замечают его существование. В таких случаях делается беглый обзор постановок, обильно одобренный пересказом содержания пьес. Зная трудное положение театра, рецензенты милосердно раздают «всем сестрам по серьгам», вкось-вбкось отмечают слабые

места и дают более или менее (чаще менее) удачные советы, как починить прорехи. А уехал театр — о нем тотчас забывают. Уж поистине, с глаз долой, из сердца вон.

Надо ли доказывать, что подобными рецензиями, в которых закрываются глаза на коренные недостатки и порождающие их причины, мы ничем не поможем театру, принесут пожелания и советы не принесут плодов.

А недостатки эти резко бросаются в глаза. Это — прежде всего пестрота состава, отсутствие ансамбля. Рядом с такими прекрасными актерами, как А. Снегина, А. Турченко, А. Богачева, К. Снегина, Е. Дзырен, А. Головаченко — соседствуют почти самодельность, только лишняя непоследовательности и теплоты. То укабанный, неуклюжий жест, и сдавленный голос артистов В. Матвеева, В. Рыбина, то плавное, гладкое движение и певучий звук артиста И. Витоль. Последнее лучше. Но и то и другое не отвечает требованиям современного реалистического театра. Редко встретишь тонкое понимание юмора, яркие бытовые краски, подлинную трагедийность.

Почти на всех спектаклях лежит печать какой-то одинаковости приемов — все равно идет ли постановка «За голубым Дунаем» или «Доктор Воронов», «Несчастный случай» или «Ошибка Анны». Но это — не своеобразный художественный почерк театра, а бедность художественных средств. Где уж тут говорить о полноте, о творческой, неповторимой индивидуальности. Остается предположить, что режиссер мало верит своему зрителю. Дескать, кто ее знает, эту провинциальную публику, дойдут ли до нее полтона?

Не лучше ли действовать наперекор и нажимать на все педали? Если уж страдание, так пусть актеры корчатся на сцене в конвульсиях, если радость — то надо смеяться так громко и неестественно, что публике порой становится невольно за этот неестественный смех. Даже маленькому ребенку не страшно, когда его пугают букой. Он хорошо знает, что это «попонарешке». Как же можно удовлетворяться показом взрослым людям таких откровенно дубовых картинок? Между тем, тут же мы видим работы уже упомянутых актеров Снегина, Турченко, Богачева и других, в игре которых нет ничего случайного и лишнего, нет скудного фотографиявания, а все направлено и одной цели — вывеливание идеи образа убедительными художественными средствами, которыми зритель верит, ибо видит в них правду.

Думается, следует посмотреть наконец правде в глаза и вслух назвать причины неудач коллектива театра.

Возьмем хотя бы нынешние гастроли. Разве не верхом бездушия было со стороны Министерства культуры устроить Бельцкому театру поездку в столицу республики, так сказать, четвертым эпизодом, то есть после выступления таких театров, как Московский имени Ермоловой, Воронежский, Одесский? Ведь заведомо было ясно, что театр понесет в этом случае и моральный и материальный ущерб.

Предположим, что это частности, которая не решает судьбу театра. Ну, а как быть с тем, что театр в течение длительного времени лишен крепкого художественного руководства, которое бы цементировало его в слаженный художественный ансамбль?

Если бы задать работникам Министерства культуры вопрос:

— Любите ли вы театр? — то можно не сомневаться, что она, не задумываясь, ответит:

— Разумеется, а как же может быть иначе.

Однако беседа с актерами и режиссерами Бельцкого театра, их горькие обиды, наконец, просмотр самих спектаклей убеждают в обратном.

— Нет, не любите вы театр, товарищи из Управления по делам искусства! Разве можно принять за любовь заботу о выполнении финансового плана? А каково самочувствие актеров, каков, наконец, эффект их работ, т. е. конечная цель — художественное воздействие спектакля на зрителей — это, как видно, беспокоит работников министерства в последнюю очередь.

За девять лет своей работы коллектив вырос, но его продолжают держать на прежнем положении. Театр нуждается в пополнении творческой молодежи, а куда, на какие ставки ее возьмешь, если творческий состав попрежнему не превышает 24-х единиц.

Параллельные спектакли, которые систематически практикуются в погоне за выполнением финансового плана, превратились в бич для театра, облегчили проникновение в репертуар случайных, малопроцентных вещей.

За прошлый год директор театра

Роголин ухитрился сэкономить 15 тысяч рублей. Это в то время, когда театр вообще работал без всякой дотации. На эту сумму можно было бы заново оформить два новых спектакля, а если говорить о выездных, то — все десять. Вместо того, чтобы пресечь эту вредную экономку, в министерстве довольно потирают руки: «Молодец, Роголин!».

А стоило товарищам из Управления по делам искусства дать себе труд сделать простые арифметические выкладки, и они бы убедились, что оказались в накладе, снизив за счет сэкономленных средств качество постановок. Они потеряли гораздо больше на том, что зритель отказывается смотреть такие спектакли. Но главное — это не снижение выручки, а идеологический ущерб — не достигнута цель спектакля, ради которой тратятся на театры огромные народные средства.

Кстати, отчето мы не можем увидеть, как, например, в Воронежском театре, фамилию товарища Роголина на афишах в тех или иных ролях? Могут возразить, что директор Воронежского театра, возможно, плохой хозяйственник, раз часть своего времени он посвящает непосредственному творчеству,

— Ничего подобного, — возразим мы, — театр этот находится в смысле кассовой выручки в гораздо более выгодном положении, чем любой наш молдавский театр.

Для нас этот театр дорог и важен не потому только признаку есть ли в нем молодежь, как она растет или не растет, но главным образом потому, что этот творческий коллектив в конечном итоге воспитывает, по крайней мере должен воспитывать эстетически, идейно влияют на многочисленных сельских молодых зрителей, т. е. как раз именно на тех, кто по условиям своего места жительства и труда лишен возможности видеть спектакли кишиневских, не говоря уже о московских или других талантливых драматических коллективах.

Возможно, товарищам из Управления по делам искусства это мнение покажется жестковатым. Но оно есть плод убеждения в том, что мы не имеем никакого права оставаться равнодушными к судьбе Бельцкого театра. А здесь все уместнее правда, пусть даже горькая, прямое мнение, которым дано желание видеть этот театр по-настоящему хорошим, хорошим целиком, а не по частностям.

А. ЛИСОВИЦАЯ.